

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.С.ТУРГЕНЕВА»

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.С.ТУРГЕНЕВА

ОРЛОВСКИЙ ТЕКСТ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЫПУСК 10

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л.Н. АНДРЕЕВА

(30 СЕНТЯБРЯ – 2 ОКТЯБРЯ 2016 ГОДА)

ОРЁЛ – 2017

Несколько героев в рассказе способны ощутить чуждость новой мебели и изменение атмосферы дома – наиболее чуткими оказываются горничная Дарья, пес Джек, а также Анфиса. Впервые в рассказе особенность вещей ощущает именно деревенская женщина Дарья: «...утвердился громадный высокий шкаф: грудью вперед, суровый, все подавляющий своим величием и строгостью, он сразу занял прочное положение, и по вечерам, когда еще не зажегся огонь, Даша боялась смотреть на него. И называла она его "скаженный"» [1]. С помощью лексемы «скаженный» в рассказе подчеркивается ненормальность, чуждость новых предметов интерьера. Примечательно, что одной из причин увольнения горничной становится ее неумение обращаться с дорогими вещами – подобное прослеживается и в образе Джека: собака не находит в предметах интерьера особой ценности («как его ни учили не прыгать на диваны и кресла, которые он царапал когтями, и даже били за это, он продолжал делать свое» [1]). В данном контексте деревенское и природное начало оказывается противопоставленным городскому. С учетом деталей образа Дарьи и Джека мы предполагаем, что ситуации увольнения горничной и продажи пса можно рассматривать как уход из дома символов честности и дружбы.

Образ Анфисы является одним из центральных в рассказе. Как гостиная оказывается inferнальным пространством, так и комната героини является складом старых предметов и символизирует отвергнутое героями прошлое. Анфиса наиболее остро чувствует особую силу новых предметов, заключенную в них: «она не могла поверить, чтобы все эти вещи были мертвые, и во всех в них она чувствовала странную, молчаливую жизнь. Ей чудилось, что они дышат, что-то думают и что злые они все и страшно сильные» [1]. Особую роль в рассказе играет мотив замещения (а также вытеснения) человека предметом – позднее он будет развит автором в «Рассказе о семи повешенных», где ужас смерти отражается в сознании Василия Каширина как гротескная картина суда вещей над человеком, а также в рассказе «Сын человеческий», где герои размышляют о возможности заменить человека с помощью граммофона.

Доведенная до отчаяния Анфиса кончает жизнь самоубийством, однако ситуация сравнивается с утратой вещи – смерть человека получает статус «неожиданной неприятности». Примечательно и то, что суицид происходит в тот момент, когда «все в доме прибиралось и чистилось и особенно нужны были люди» [1] – к финалу рассказа человек превращается в своеобразную функцию по уходу за вещами. Отметим, что в образе Анфисы в рассказе оригинально представлена тема безумия. Несмотря на самоубийство, героиню хоронят в соответствии с православной традицией на территории кладбища, поскольку Николаю удается достать справку о сумасшествии погибшей – мнимость и обман сопровождают человека даже после его смерти. Особенность авторского повествования прослеживается и в описании могилы – она подчеркнута большая и просторная и соотносится с новой квартирой (как и в начале рассказа – дом Назаровых), в которой появляется новая вещь, что придает произведению характер кольцевой композиции.

Помимо уже отмеченных исследователями параллелей между образом Анфисы с одноименной героиней рассказа «Мысль», внимания требует еще одна

сюжетная деталь. В рассказе «Призраки» среди обитателей лечебницы упоминается Анфиса – как и героиня рассказа «Мебель», она мучается из-за короткой кровати. В данном контексте неслучайным кажется и то, что героиня рассказ «Мебель» сравнивается автором с «призраком среди живых».

Таким образом, феномен дома получает различное воплощение в рассказе Л.Н. Андреева «Мебель». Исключительное стремление героев к материальным ценностям приводит к тому, что пространство дома утрачивает свою защитную функцию, становится чуждым и враждебным по отношению к человеку, переходит в состояние «антидома». Автор акцентирует внимание на смысловой оппозиции «истинное – мнимое», мотивах света и тьмы, замещении человека предметом, образе дьявола.

Список литературы

1. Коршунова В. П. Из черновой тетради Леонида Андреева (Рассказ «Мебель») // Встречи с прошлым. Вып. 1. М., 1972. С. 102–113.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2010. 704 с.
3. Михеичева Е.А. Оппозиция как способ организации локального текста в ранних рассказах Л. Андреева // Орловский текст российской словесности. Орел, 2009. С. 95–102.
4. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 240 с.
5. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира // Семиотика культуры. Труды по знаковым проблемам. Тарту, 1978. № 10. Вып. 463. С. 65–76.

Лукин Д.С.

Автобиографизм повести Леонида Андреева «Иго войны»

Аннотация. В статье путем сопоставления содержания повести Леонида Андреева «Иго войны» с жизнью самого писателя, его статьями, письмами, дневниками военных лет предпринята попытка выявить автобиографическую составляющую произведения и определить отношение автора к Первой мировой войне

Ключевые слова: автобиографизм, война, дневник, позиция, публицистика

Lukin D.S.

Autobiographical content in Leonid Andreyev's story «Igo voyny»

Abstract. In the article L. Andreyev's story «Igo voyny» is compared with the writer's life, his articles, letters, diaries of the First World War years. It allows to find out autobiographical content in the story and determine the author's attitude to the war.

Key words: autobiographism, war, diary, position, publicism.

С первобытных времен война как сотрясение основ существования народов была важной, неотъемлемой частью истории любой страны и всего человечества. Становясь все более технической, механистической, обезличенной, «война породила ужасы, подобные двум мировым войнам, потрясшим двадцатый век» [6: 9].

Первая «бойня», спусковым крючком для которой стало убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года, продлилась более четырех лет и унесла свыше десяти миллионов жизней, став одной из самых кровавых страниц в истории человечества.

Однако отношение к этой войне ее участников и свидетелей не было единым. В России реакционно настроенная часть общества войну не приняла и говорила о необходимости скорейшего ее прекращения и заключения мира с Германией. Официальная же Россия встретила объявление войны с энтузиазмом, мобилизуя силы и ресурсы страны для отправления на фронт. С воодушевлением и призывами «бороться до победного конца» встретил войну и Леонид Андреев, примкнувший к официальной риторике оборонительной борьбы за свободу и ядовитым проклятьям в адрес Германии, императора Вильгельма II и всего немецкого народа.

Автор «Красного смеха», одного из самых ярких антивоенных произведений рубежа веков, ставшим эмоциональным откликом на события Русско-японской войны, в 1914–1915 гг. одну за другой пишет и публикует статьи на злобу дня, в которых от лица всей России пытается обосновать важность и необходимость введомой войны, призывая русский народ к молитвам за солдат и сочувствию по отношению к Сербии и Бельгии, терзаемых сильным и беспощадным врагом. «Начав войну, мы доведем ее до конца: до полной победы над Германией» [1: 6]. «Победить Германию необходимо – это вопрос жизни и смерти не только для России, но и для европейских государств» [1: 7].

Помимо публицистических выступлений, Андреев предпринимает и попытки художественного осмысления современной войны и роли, и ответственности человека в ней. Этой теме посвящены написанные в военные годы пьеса «Король, закон и свобода» (1914), рассказ «Ночной разговор» (1915) и повесть «Иго войны» (1916), центральные герои которых – представители различных слоев общества: император, солдат, художник и мелкий чиновник. И если в «Красном смехе» Русско-японская война стала поводом и своего рода декорацией для выражения авторского отношения к войне как таковой, его пацифистских взглядов, то в этих произведениях главное внимание Андреева сосредоточено конкретно на Первой мировой войне и отношении индивида к ней. Названные произведения – своего рода парафраз тех идей и позиций, которые были высказаны Андреевым в его статьях.

Позже, в апреле 1918 года, в своем дневнике Андреев признается: «Эта опасность: лишиться рассудка – существовала для меня во все время войны; и боролся я с нею публицистикой. И эти две слабые вещи: «Король, закон и свобода» и «Иго войны» – слабы именно потому (особенно последняя), что по существу представляют собою плохенькую публицистику» [5: 51]. «Любопытно, как я, полусознательно, удерживал мое воображение, чтобы оно не представляло существа войны. <...> мне действительно удалось сделать его в отношении войны чисто формальным, почти официозным» [5: 52].

Несмотря на эту авторскую оценку своим произведениям, взгляд на них со стороны свидетельствует о не вполне справедливом отношении писателя к ним

и самому себе. Да, нельзя не отметить публицистичность этих текстов, на которую, помимо самого Андреева, указывали и его современники, и будущие поколения исследователей его творчества. Однако их содержание отнюдь не исчерпывается публицистической декламацией идей, а в сопоставлении с жизнью самого Андреева, его статьями, письмами, дневниками военных лет обнаруживает важную автобиографическую составляющую произведений. Особо отчетливо она выражена в повести «Иго войны».

Условно в повести можно выделить два уровня автобиографизма. Первый – внешний, очевидный – указания на факты жизни, параллели с событиями и обстоятельствами реальной действительности. Второй – внутренний, скрытый – идейный диалог Андреева со своим героем, банковским служащим Ильей Петровичем Дементьевым.

Повесть представляет собой дневник Дементьева, который он ведет с 15 августа 1914 по 30 сентября 1915 года, описывая в нем события своей жизни и делясь переживаниями по поводу происходящего. В том фактическом содержании, что мы можем прочесть на страницах этого дневника, несложно узнать и некоторые реалии жизни самого Леонида Андреева.

Дементьеву сорок пять лет, и он рад, что не подлежит призыву, хотя и признается для очищения совести, что будь он моложе, то непременно бы отправился на фронт. Леониду Андрееву в эти годы тоже за сорок, он тоже не может быть мобилизован, на предложения пойти на фронт добровольцем писатель обычно отшучивался, но так же, как его герой, он рефлексировал о своем положении вне театра военных действий, признаваясь в письмах брату: «И все-таки я тебе глупо завидую. Хотел бы быть молод, как ты, и чтобы меня взяли – сам, пожалуй, не пошел бы» [цит. по: 7: 282]. У Дементьева, как и у Андреева, большая семья, он обеспечивает жену, детей, ближайших родственников. В обеих семьях переживают за отправившегося на фронт брата: Дементьевы – за Павла, брата жены; Андреевы – за Андрея Николаевича, младшего брата писателя. Павел воюет на тех же фронтах, что и Андрей Андреев.

Леонид Николаевич включает в повесть описанный им в собственном дневнике 15 августа 1914 года случай, когда брату удалось ненадолго заглянуть домой перед отправлением «туда, за Варшаву, в самое пекло» [5: 21]. И то, что чувствовал при этом внезапном и коротком свидании Леонид Андреев, чувствует и Илья Дементьев – волнение, радость, смешение чувств. Оба внимательны к деталям, пытаются запомнить каждую мелочь: солдатскую форму, ружье, запах солдата, пахнувшего по-рабочему благородно. Оба хотят провести родного человека по всему дому, по знакомым людям – чтобы мог проститься, если вернуться будет не суждено. И оба этого не делают из-за спешки, суеты, невольной неловкости говорить и думать о смерти. Андреев в дневнике признается: «Мне кажется, что он не вернется; и эти мои мысли кажутся мне страшными и недопустимыми: как будто этими мыслями я сам его убиваю» [5: 22]. Может быть, именно поэтому, помня об этих своих мыслях, в своей повести писатель убивает Павла – чтобы преодолеть их, подготовиться к возможной потере, а может быть, убив на бумаге, спасти в жизни. И, действительно, Андрей Николаевич пережил эту войну [См. подробнее: 7: 277].

Находясь вне основных военных событий, Леонид Андреев и его герой следят за ними по газетам и письмам с фронта. И оба испытывают усталость от страшных новостей «оттуда», радуются возможности хоть день прожить без них. В то же время получаемые ими письма глубоко трогают обоих. Дементьев живо представляет, как Павел, голодный и замерзший, лежит в сырых окопах, и не может поверить, что это происходит наяву. Андреев в одном из ответных писем брату признается: «Вчера получил твои письма из окопов. Еще никогда я так не верил в войну, как при твоих письмах. И в тебя стреляют, чтобы убить – просто-напросто с этой целью» [Цит. по: 7: 282]. Сравнивая свою счастливую жизнь в тылу с фронтовыми ужасами, оба при этом отмечают, как близко подходит война к мирной жизни, меняя привычный уклад вещей и устанавливая своё иго.

Сближают героя повести «Иго войны» с её автором и частые жалобы на здоровье, расшатанность нервов, скованность мысли, бессонница, усталость от жизни, признания самому себе в отсутствии страха смерти и даже невольное желание, чтобы она пришла. Илья Петрович, думая о смерти, чувствует радость и легкость, что можно разом избавиться от всех терзающих его проблем: «Мысль о смерти приносит радость. Освобождение и счастье так близки от всякого несчастья там, где есть глубокая и быстрая вода» [3: 74]. И Дементьев решает совершить самоубийство (которому, правда, не суждено будет состояться), пишет прощальные письма близким, идет к Неве, положив для верности в карманы пальто маленькие, но увесистые гири. Леонид Андреев о самоубийстве не говорит – это он оставил в юности, но в марте 1916 года он пишет в своем дневнике: «И страшно мне мечтать (или писать) о жизни, и радостно, и так близко стоит смерть. Смерть. Но я-то сам не боюсь её. Пускай приходит. Пускай приходит поскорей и берет. Надоело. Надоело!» [5: 29], а в начале 1917 года предсказывает себе близкую смерть: «По моим расчетам в 1917 г. я должен умереть» [5: 29]. Впрочем, как мы знаем, в своих расчетах Леонид Андреев немного ошибся, предсказание его не сбылось.

Зато сбылись многие мысли и настроения, что он предсказал себе в «Иге войны». Дневник Дементьева был завершен Андреевым в январе 1916 года и хронологически охватывает период с начала войны по сентябрь 1915 года, когда немецкая армия неумолимо продвигалась вперед, беря одну за другой казавшиеся неприступными русские крепости. Первая запись этого дневника датирована 15 августом 1914 года, в ней чиновник описывает тот день, когда он с семьей узнал о начале войны, и то, какое сильное потрясение они пережили от этой новости, какой страх завладел ими. Сам писатель, увлеченно занимающийся публицистикой и яро призывающий к войне до победного конца, в это время дневник практически не ведет, делая в нем лишь несколько записей. К активному ведению собственного дневника он вернется только в 1918 году, и 28 апреля будет вспоминать: «За четыре года войны было много чудовищного, необыкновенного, разительного, но по силе впечатления, по глубине и необыкновенности ощущения мировой войны ничто не может сравниться для меня с первыми днями» [5: 59].

Так же, как Дементьев, Андреев на страницах дневника будет фиксировать свершающиеся в России и мире события, комментируя их, жаловаться на свои

ухудшившиеся из-за войны состояние здоровья и материальное положение, писать о жизни семьи, детях. И с этой точки зрения интересно посмотреть на «Иго войны» как на ненаписанные страницы дневника самого Андреева, а на Дементьева как на выразителя другого, неофициального «я» писателя, который чаще спорит, нежели соглашается с «публичным» Андреевым.

С одной стороны, Леонид Андреев, как и его герой, по отношению к войне как таковой не изменил своих пацифистских взглядов, он отрицает и проклинает войны как «безумие и ужас» [4: 37], массовое убийство, преступление против человечества: «Война есть страшнейшее из зол и из всех необходимостей – самая печальная» [1: 8]. И Дементьев на страницах своего дневника называет войну «чудовищем», «ужасной», «проклятой», «похожей на живодерство».

Принципиально различным оказывается отношение Андреева и Дементьева к конкретно этой, мировой войне как событию истории. Пассивно наблюдая за ней со стороны, но ощущая на своей жизни её неизбежное влияние, Дементьев постоянно повторяет: «Не могу понять, что может быть хорошего и разумного в войне» [3: 13], «Не я хотел войны, осуждаю и проклинаю её» [3: 24], «Не имеет права эта проклятая война врываться в наш дом. Не признаю войны, и чем больше твердят мне о каком-то её “великом смысле”, тем меньше вижу я смысла вокруг меня» [3: 32], «Не я хотел и начал эту войну, не я создаю всю эту неурядицу» [3: 66].

Леонид Андреев тоже не хотел и не начинал эту войну, но принял её и был как раз среди тех, кто «твердил о каком-то её великом смысле». «Идет война, переживаю я её огромно и сильно. Быть может, никто или очень немногие так глубоко чувствуют и знают её смысл» [5: 28]. Смысл, о котором говорит Андреев, в общих чертах выражается в необходимости борьбы с Германией, освобождения от германизма, объединении людей в беде и жертвы настоящим во имя истории, человечества и будущей жизни: «Забота русского ума, в противовес одичавшему германскому гению, – чтобы истинная человечность и братолюбие легли в основу возрожденной жизни» [1: 12].

И здесь интересна запись в дневнике героя «Ига войны» от 14 февраля 1915 года. В ней Илья Петрович делится впечатлениями от прочитанной в газете статьи: «Безбожная статья! В самых трескучих и пышных выражениях этот господин уверяет нас, что война принесет необыкновенное счастье всему человечеству, конечно, будущему. А про настоящее человечество он говорит, что оно со всею покорностью должно погибать для счастья будущего» [3: 41]. «И для будущего человечества я не хочу погибать! Если вчерашний человек страдал для меня, а я должен страдать для завтрашнего, а завтрашний будет страдать для послезавтрашнего, то где же конец, где смысл в этой бессмыслице?» [3: 42].

Наталья Скороход, автор биографии Леонида Андреева, вышедшей в серии «ЖЗЛ», считает, что Илью Петровича возмутила статья самого Леонида Андреева [См. подробнее: 8: 337-338]. Однако Андреев не был одинок в таком видении смысла войны. Идеи войны как исторической необходимости и накопившейся болезни, которую нужно довести до конца, чтобы излечиться и уст-

роить мирную жизнь всего мира по-новому, были популярны в публицистике времен Первой мировой войны. Тем не менее, высказанное Дементьевым возмущение и его взгляд на прочитанное идет вразрез с публичными выступлениями Андреева.

Илья Петрович не хочет жертвовать своей жизнью, своим насущным и настоящим ради призрачного счастья будущих поколений. Он пытается огородиться от войны как от чуждого, враждебного, не имеющего к нему никакого отношения, и жестоко страдает, когда это «чужое» против его воли вмешивается в его жизнь. Однако Андреев-публицист для выражения своих позиций по вопросам войны в итоге приводит Дементьева если не к принятию, то к смирению с фактом войны и включению его в эту новую изменившуюся жизнь тыла. Илья Петрович начинает заниматься собиранием пожертвований для нужд военного времени и незадолго до того, как прекратить вести дневник, который становится ему ненужным после приобщения к народу и его горю, пишет: «Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые и знаю: когда прикоснутся они друг к другу, мать Земля к Сыну своему, то наступит великое разрешение... но мне его не видать. Да и чем заслужил? <...> только об одном моллю судьбу свою: чтобы не была напрасной моя смерть и страдания, которые принимаю покорно и со смирением» [3: 97].

Андреев, приведя своего героя от личного к общему, народному, от возмущений, протестов – к смирению, словно иллюстрирует лозунги из своей статьи «В сей грозный час»: «Мы должны стоять твердо и крепко, быть надежной опорой их (русских солдат – Д. Л.) утомленным плечам. Не должно быть ссор и брани, злого и вредного, грубого и ничтожного, мелкого и личного. Только отказом от личного можем оправдать каждую новую минуту нашей жизни: ведь мы живем, когда они умирают» [1: 12-13].

Сам Андреев от личного не отказался. Он отдал этой войне много душевных и интеллектуальных сил. Он живописал ужасы войны, но призывал бороться за будущее счастье до победного конца, ибо – «горе побежденным!» [2: 10]. Он занял общественную трибуну, на какое-то время забыв о беллетристике, и искренне, ярко проповедовал. Не нам судить, достаточная ли это жертва для будущего счастья, и принесла ли она действительную помощь России в те тяжелые годы, но нельзя не отметить «души прекрасные порывы» и не предположить, что Андреев все-таки осознавал двойственность своего положения. И повесть «Иго войны» стала для него своего рода второй трибуной, где за основными идеями активного отношения к действительности, за официальными заявлениями «большого» писателя Леонида Андреева, он смог в лице своего героя высказать сомнения в своей собственной позиции, выразить противоположные взгляды, которые, наверняка, в той или иной мере все-таки разделял и сам, поспорить с этим «большим» писателем от лица «маленького» человека. Не просто так повесть имеет подзаголовок – «Признания маленького человека о великих днях». Перед лицом великих испытаний все равны.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. В сей грозный час. Статьи. – Птрг.: Кн-во «ПРОМЕТЕЙ» Н. Н. Михайлова, 1915. – 114 с.
2. Андреев Л. Н. «Верните Россию!»: Сборник / Сост. И. Г. Андреевой, послесл. и коммент. В. Н. Чувакова. – М.: Моск. рабочий, 1994. – 268 с.
3. Андреев Л. Н. Иго войны // Андреев Л. Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6: Рассказы и повести 1916–1919; Дневник Сатаны: Роман; Сатирические миниатюры для сцены 1908–1916; Статьи. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. – С. 7–98.
4. Андреев Л. Н. Красный смех // Андреев Л. Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2: Повести и рассказы 1904–1910. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. – С. 37–96.
5. Андреев Леонид. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Вступ. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – М.: СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. – 598 с., илл.
6. Искусство войны: Антология военной мысли / [сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова]. – СПб.: Амфора, 2009. – 542 с.
7. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. – СПб.: ООО «КОСТА», 2010. – 432 с.
8. Скороход Н. С. Леонид Андреев / Наталья Скороход. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 430[2] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1431).

Шишкина Л.И.

Леонид Андреев и кино. Повесть «Губернатор» в трактовке кинематографа

Аннотация: Статья доказывает, что увлеченность Андреева кинематографом объясняется интуитивным сознанием близости своей повествовательной манеры киноэстетике, что почувствовали кинематографисты, уже в 10-е годы XX века обратившиеся к творчеству писателя. Но если в ранних экранизациях андреевские драмы «панпсихе» превращались в бытовые мелодрамы, в которых на первый план выходили действия и поступки, то кинематограф нашего времени актуализирует леонидоандреевскую «сущностную» проблематику. Анализ различных подходов к кинематографической трактовке андреевских текстов проводится на материале двух фильмов, поставленных по повести «Губернатор»: «Белый орел» (1928 г., реж. Я. Протазанов) и «Губернатор» (1991 г., реж. А. Макеранец).

Ключевые слова: кинематограф, иллюзион, кадр, монтаж, синтетизм, «Белый орел», «Губернатор».

Shishkina L.I.

Leonid Andreev and cinema. Novel «The Governer» in the interpretation of cinema

Abstract: The article proves that Andreyev's passion in cinema is due to proximity of his consciousness his narrative style and cinema esthetician. Filmmakers also felt it already in 1910 refer to the works of the writer. But if in the early film adaptations of Andreev plays pan-psyche turned into domestic melodrama, the film of our